

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Далеко-далеко, на берегу моря-океана, за тридевять земель и ещё за высокой горой, в маленьком городе у опушки бора жили два брата-художника. Младшего брата звали Добрый Художник. А старшего — Злой.

Провёл старший брат чёрной-пречёрной краской черту.

— Всё, что по эту сторону, — моё! — сказал он младшему.

Видишь, ему досталась бóльшая половина комнаты.

И бóльшая половина окна.

И бóльшая половина леса, который виден в окне.

И бóльшая половина звёздочек, которые горят над лесом.

Стал Добрый Художник рисовать на большом листе бумаги картинки и буквы для азбуки: «А»...

«Б»... «В»... Поглядел, а часть листа попала за чёрную черту к злему брату.

Плохо, да что поделаешь.

Работает Добрый Художник, рисует.

К вечеру холодно ему стало, руки совсем замерзают.

Пошёл он в дремучий лес — хворосту набрать и печку протопить.

Идёт он чащобой. Деревья трещат от мороза.

Темно.

Холодно.

Страшно.

Идёт он, идёт и вдруг слышит дрожащий голосок:

— Простите, пожалуйста, я ззз...а...мм...е...рр... ззз...аю...

Оглянулся Добрый Художник, а в сугробе, под ёлочкой, ёжик.

Плохо бедняге: шуба заледенела, щёки побелели от мороза.

Ёжик-ежище — Чёрный носище... Знаете, когда Ёж возвращается из леса в нору, он снимает колючую шубу, вешает на гвоздь и надевает мягкую пижаму.

И ежата, когда возвращаются из леса в нору, тоже снимают колючие шубки и надевают мягкие пижамы.

Но когда Ёж выходит из норы в лес, он никогда не забывает снять пижаму и надеть колючую шубу.

И ежата тоже никогда не забывают. Колючки защитят и от лисы, и от волка!

А от мороза трескучего? От ветра ледяного?

Нет, от мороза и ветра они не защитят.

Пожалел Добрый Художник ёжика и положил его за пазуху: пусть бедняга отогреется.

Положил он его на грудь и укололся больно-пребольно.

И сразу почувствовал: что-то странное творится кругом.

Будто бы он спит, но с открытыми глазами.

И будто бы тепло стало в лесу.

Ели и сосны стряхнули снег, похлопали мохнатыми лапами, взялись за руки, окружили Художника, ведут хоровод, и маленькая ёлочка тихо приговаривает:

— Не бойся. Ничего страшного не случилось.

— Ничего не бойся! — вслед ёлочке повторяет мудрый старый пень в снежной высокой шапке. — Просто-напросто ты стал волшебником. Так бывает с каждым, кто в зимнюю стужу, в морозную ночь повстречает Ёжа-ежища — Чёрный носище и согреет его.

— Что же мне делать? — спросил Добрый Художник, который всё-таки очень испугался.

— Будь осторожен! — десятками голосов ответили ели, и сосны, и лесной ветер.

Синие подснежники на секунду выглянули из окошек снежных сугробов — своих домов, тоже сказали:

— Будь осторожен! — и снова скрылись в сугробах.

— Будь осторожен! — проскрипел старый пень в снежной шапке. — Помни: это нелегко — стать настоящим Добрым Волшебником.

Очнулся Художник, а он уже дома. В печке горит хворост. Тепло. На столе недорисованная азбука.

«Неужели мне всё только приснилось?» — подумал он.

Глядит, а из рубашки ежиные иглы торчат.

Положил он иглы на стол, и вот уже это не иглы, а цветные карандаши.

Один, серый, карандаш укатился за чёрную черту — к Злому Художнику. Тот его — цап-царап.

— Мой! — говорит. — Не отдам!

Добрый Художник сразу догадался: это не простые, а волшебные карандаши. И всё, что нарисуете волшебными карандашами, будет живое!

И подумал он:

«Нет у меня дочки. А какая жизнь без детей? С кем посмеёшься? Кому порадуешься? Кому сказку расскажешь?»

И решил он: «Дай нарисую я себе маленькую доченьку. И назову её Ёженька».

Взял и нарисовал.

Вот какая девочка получилась! Синеглазая, рыжая, с бантами — славная!

Славная-то славная, только капризная немного. Огляделась Ёженька и захныкала:

— Ску-у-учно!

И Художник чуть не плачет: жалко ему девочку. Подумал он и нарисовал море: спокойное, весёлое.

И небо нарисовал — ясное, без облачка.

И нарисовал Ёженьке шапку — золотую, как корона.

И лодку нарисовал — настоящую, из спичечной коробки.

И мачту.

И парус из розового лепестка.

И дал Ёженьке в руки синий воздушный шар.

И сказал дочке:

— Катайся по морю. Не скучай. А я отнесу азбуку в школу. А то дети всё спрашивают, как пишется «А», и как пишется «Б», и как пишется «В».

И он ушёл.

Злой уже тут как тут.

— Ага! Попалась! — закричал он страшным голосом и — р-раз! — распахнул окно.

А на дворе бушевала буря. Ворвался ветер в комнату. Завертелось всё, закружилось. Одеяло летит, как птица крыльями машет. Лампочка под потолком раскачивается, как колокол: «Динь-динь, динь-динь...»

Забурлило и нарисованное море.

Выше, всё выше поднимаются волны. Вот какие страшные белые гребни на них! Того и гляди лодка утонет.

Уже и мачту сломало, и парус сорвало. Уже и не видать лодки среди волн...

— Ага! Попалась! — ещё раз страшным голосом закричал Злой и от радости подскочил до потолка.

Вот какую он шишку набил себе на макушке!

— Конiec тебе, глупая маленькая Ёженька!

Он очень не любил маленьких детей, этот Злой Художник.

Старший брат так страшно и громко закричал, что младший, хотя и был далеко, услышал и сразу прибежал домой.